

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.66>

Гончаров Петр Андреевич, Гончаров Павел Петрович

МНОГО ЗВАННЫХ: МОТИВ СОБЛАЗНА В РОМАНЕ А. В. ИВАНОВА "ТОБОЛ"

В статье авторы исследуют функцию и динамику мотива соблазна в историческом романе А. Иванова. Впервые с помощью анализа повторяющихся неразлагаемых единиц повествования предпринимается попытка установить доминанты творчества прозаика и направление развития его художественной философии. Роман "Тобол" интерпретируется в контексте творчества А. Иванова в сопряжении с литературными тенденциями конца XX - начала XXI века. Изменение отношения автора и героя к соблазну, вытеснение его иными мотивами обоснованно квалифицируется как признак оригинальности и значительный шаг в эволюции художественного мира писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/2/66.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 315-318. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 16.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.66>

В статье авторы исследуют функцию и динамику мотива соблазна в историческом романе А. Иванова. Впервые с помощью анализа повторяющихся неразлагаемых единиц повествования предпринимается попытка установить доминанты творчества прозаика и направление развития его художественной философии. Роман «Тобол» интерпретируется в контексте творчества А. Иванова в сопряжении с литературными тенденциями конца XX – начала XXI века. Изменение отношения автора и героя к соблазну, вытеснение его иными мотивами обоснованно квалифицируется как признак оригинальности и значительный шаг в эволюции художественного мира писателя.

Ключевые слова и фразы: А. Иванов; «Тобол»; роман; мотив соблазна; эволюция; Сибирь; христианизация.

Гончаров Петр Андреевич, д. филол. н., профессор

Гончаров Павел Петрович, к. филол. н., доцент

Мичуринский государственный аграрный университет

goncharovpa2015@yandex.ru; pascha.gj2015@yandex.ru

МНОГО ЗВАННЫХ: МОТИВ СОБЛАЗНА В РОМАНЕ А. В. ИВАНОВА «ТОБОЛ»

А. В. Иванов (род. 1969) – известный современный писатель, автор целого ряда оригинальных книг, часть которых, во многом благодаря экранизации, получила широкую известность. Общие оценки его творчества часто оказываются противоположными: от полного или почти полного неприятия (С. Казначеев, М. Ершов и др. [5; 9]) до фактической апологетики (Е. Никольский, А. Зырянов и др. [6; 11]). Нашей задачей не является направленная полемика с этими оценками, хотя при исследовании поставленной проблемы полностью избежать диалога было бы контрпродуктивно и просто невозможно.

Бесспорно, А. Иванов – разноплановый художник, он внешне не похож на самого себя в разных произведениях. Более того, даже профессиональные лингвисты отмечают радикальные отличия в его произведениях. Так, М. Кронгауз при оценке языка двух романов Иванова – «Географ глобус пропил» и «Сердце пармы» – писал, что «ни одна лингвистическая экспертиза не показала бы, что это произведения одного автора... Нет ничего общего на уровне лексики. Приходится говорить не о языке автора, а о языке отдельного романа» [10]. В связи с этим напрашивается предположение, что и характерные для того или иного романа А. Иванова этико-философские предпочтения, крупные и мельчайшие элементы структуры его литературных произведений всякий раз меняются так же до неузнаваемости кардинально, как и «лексика».

На наш взгляд, в творчестве А. Иванова, несмотря на очевидную оригинальность художественных миров его произведений, имеют место и общность проблематики, и созвучие идей, доминирование ряда мотивов. Замечено, что исходным для творчества и объединяющим разные произведения А. Иванова является внимание к нравственно-духовным проблемам. Лицемерие и ханжество в образовании и в воспитании школьников, непомерная алчность бюрократии, жестокосердие сильных в отношении «малых мира сего», властолюбие – все эти пороки интерпретируются А. Ивановым как пороки нравственности, характерные как для отдельно взятого человека, так и для современного общества в целом. Но к созвучным проблемам обращаются в своём оригинальном ракурсе и Т. Толстая, и Ю. Поляков, и Д. Рубина, и С. Шаргунов, и З. Прилепин, Ю. Буйда, другие прозаики. Поэтому представляется необходимым в прозе А. Иванова вычленив нечто постоянное, объединяющее его произведения и одновременно отличающее его от прозы его современников. Таким своеобразным «интегралом» разноликих произведений А. Иванова является, на наш взгляд, его страсти к живописанию соблазна в его самых разнообразных проявлениях. Плотские соблазны руководят героями многих его романов, в погоне за женским расположением растрачивают себя персонажи «Ненастья» и «Тобола». Вряд ли это только «ивановская» закономерность, неслучайно Ж. Бодрийяр назвал современность «веком соблазна» [1, с. 301], но среди писателей обозначенного круга А. Иванов к мотивам сексуального соблазна наиболее привязан. Остаётся предположить, что, видимо, само его стремление живописать соблазн тоже является трудно преодолимым соблазном.

Необходимо заметить, что под мотивами здесь имеются в виду обозначенные А. Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [2, с. 301], причем «признаки общности и повторяемости» [Там же, с. 305] для нас тоже предельно важны. В. Я. Пропп определил мотив как «неразлагаемую единицу повествования» [13, с. 15]. В этом значении (первоэлемент, с помощью которого выстраивается структура произведения словесного искусства) понятие «мотив» и используется нами далее.

Развернутого и обоснованного определения и характеристики понятия «соблазн» в отечественной литературе нам найти не удалось. Характерно, что автор специального исследования «Соблазн» Ж. Бодрийяр, вопреки ожиданию, не дает определения этого понятия, лишь противопоставляя его власти: «Соблазн представляет господство над символической вселенной, тогда как власть – всего лишь господство над реальной» [1, с. 36]. Лингвикокультурологический подход к понятию «соблазн», обнаруживающийся в посвященной частным проблемам работе Е. А. Чагинской, представляет большой интерес для нашей темы. Она находит убедительные доказательства того, что слово «соблазн» имеет родство с «этимомом» «благо». В её понимании слово «благо»

амбивалентно, может обозначать и «добро», и его противоположность. В её толковании «соблазн – это ошибка в интерпретации блага, попадание в ловушку или опасность попадания в ловушку» [15, с. 144]. Отметим, что частные и общие определения соблазна для филолога не более важны, чем оттенки значения, их противоречивость, которые заключены в самом слове «соблазн». Поэтому для нас приемлемо и общее определение соблазна в словаре Г. Дьяченко – «петля», «грех», «помеха», «претыкание на пути», «соблазн есть то, что отводит человека от истины», «искушение» [12, с. 626].

Заметим для себя, что соблазн заключен не в предмете или явлении, а в удаляющем от истины представлении, мысли, суждении о предмете или явлении. Обладание женщиной для мужчины (мужчиной для женщины) не есть соблазн, но представление об обладании женщиной как высшем счастье, единственной цели существования является соблазном. Богатство, обладание многими вещами, власть как право распоряжаться другими людьми, свобода как возможность определять свою судьбу, некоторые другие явления из этого и иных рядов сами по себе не суть соблазны. Но представление об этих феноменах как высшем и абсолютном благе, как высшей ценности человечества есть соблазн. Соблазн есть мысль, уводящая от истины.

Наиболее ярок соблазн в отношениях полов, поскольку в этом случае он ближе всего подходит к основам – зарождению и продолжению, «производству» (Ж. Бодрийяр) самой человеческой жизни. Соблазн есть также внушение соблазнаемому соблазнителем своих удаленных от истины представлений о предмете или явлении. Сама словообразовательная модель «соблазна» отсылает нас к этой «парности», на которую прямо указывает префикс *со-*, образующий «имена существительные со значением совместности, взаимной связи с тем, что названо мотивирующим именем существительным» [14]. В разной степени соблазнителями у А. Иванова оказываются и герои-любовники, и предводители бунтовщиков, и государственные деятели. Итак, видов соблазна множество, но ни это, ни приведенные выше определения не могут препятствовать нам в уточнении того, какая именно «петля» стоит на пути литературного персонажа А. Иванова в тот или иной момент.

Знаменательно, что соблазн у А. Иванова не сосредоточен всецело на отношениях между полами: для его персонажей не менее актуальным оказывается соблазн власти («Вилы», «Ёбург», «Тобол»); соблазн богатства («Сердце пармы», «Ёбург», «Блуда и МУДО», «Тобол»); соблазн справедливости и свободы («Вилы»). Важно и иное: от произведения к произведению меняется отношение автора и героя к соблазну, что позволяет мотивированно говорить об эволюции мировосприятия писателя.

Историк и этнограф М. Ф. Ершов в качестве одной из главных претензий к роману «Тобол» выдвигает следующую: «В романе почти нет того, что называется “человечностью”» [5, с. 160]. Возможно, что это и верно, если не считать человечностью проповедь любви, незлобность и жертвенность одного из главных героев романа – владыки Филофея, его сподвижников, обращающих остяков в христианскую веру. Но оценки М. Ершова во многом лишь развивают позицию известного критика С. Казначеева. По мнению последнего, А. Иванов исторический материал не осмыслил, «а без разбора вывалил всё на голову читателя... в результате информативная масса в сочетании с антигуманной направленностью приводит к прямо противоположному результату». Он же упрекает Иванова и в «руссофобии» [9]. Действительно, любой соблазн антигуманен, но нельзя не замечать, что мотив соблазна с течением времени у А. Иванова эволюционирует: его герои в последних произведениях («Ненастье», «Тобол») отвергают соблазн, борются с ним и в этом противостоянии приобретают человечность.

Едва ли античеловечность и «руссофобия» имеют место в образе главного героя «Тобола», к которому сходятся все сюжетные линии романа. Семён Ремезов – тобольский «архитектор» – стремится украсить столицу Сибири каменным кремлём и храмами. Он летописец, знаток и радатель Сибири, картограф, строгий и справедливый патриарх в своей семье, одинаково взыскательно относящийся и к родственникам, и к пришлым бухарцам, и к аборигенам-остякам. По сути, в нем оживают черты и свойства русского сибиряка, его характер восходит к одному с сибирской прозой XX века архетипу, воссозданному в произведениях С. Залыгина, В. Астафьева, В. Шукшина, А. Вампилова, В. Распутина.

По мысли А. Иванова, семена добродетели, противостоящие соблазнам, заложенные в семье «архитектора», прорастают и в его детях. Один из сыновей Ремезова становится участником похода в Джунгарию, оказывается в плену. Принуждаемый к измене, превозмогая страх смерти, перед воротами русской крепости Петька бьёт «тревогу». «Барабанный стук отчетливо укладывался в слова: “Го-род бе-ре-ги, Илья-про-рок! Го-род бе-ре-ги, Илья-про-рок!”» [7, с. 242]. Попраание страха, жизнь, пожертвованная «за други своя», – это ли не есть преодоление соблазна юношеского честолюбия, ранее владевшего молодым героем? Явная отсылка к образам Андрея Болконского и Пети Ростова сопрягается в романе и с восходящей к Л. Толстому интерпретацией истории и её движущих сил.

Не менее выразительно представляет гуманность и «русскую идею» романа владыка Филофей. В обращении к этой исторической фигуре А. Иванов демонстрирует мастерство описания облика и души просветителя русских, остяков и вогулов. Цитируемой далее сцене предшествует нападение соблазненных бухарцами язычников и ранение владыки. «В проёме окна плескалось золото, а потому в полутёмных покоях свет казался златотканым. Оклады на образах и нимбы святых сияли сдержанно, мощно и слаженно – И всё же скажи, кто и где на тебя напал, – мягко настаивал Гагарин. – Не надо, Матвей Петрович, – ответил Филофей. – Я их простил. <...> – Они как дети, – Филофей ещё надеялся, что эта лож остановит князя» [8, с. 324-325]. Пейзажная картина золотой осени у А. Иванова органично перетекает в златотканый свет и убранство иконостаса архиерейского дома. А сияние нимбов незаметно перетекает в свет веры и добра, истекающих от Филофея. Метафоризация, граничащая с мистическим флёром, оказывается действенным и органичным поэтическим

приёмом, точно попадающим в цель. Здесь художественное мастерство прозаика становится основой его оригинальной истории христианизации Сибири. Владыка Филофей – бесстрашный воин в борьбе с соблазнами. Он дважды добровольно отказывается от начальствования над Сибирской епархией (вероятно, видя в нём соблазн власти), оставляя себе труд утверждения православия среди язычников.

Сребролюбие и властолюбие, жадность и воровство – суть главные соблазны, на которые обрушивается А. Иванов. Давняя неприязнь А. Иванова к институту империи здесь готова перейти и на её создателей, затмевая их бесспорно добрые дела – просвещение, приращения пространств и населения, европеизацию образа жизни России. Парадоксально, и писатель это живописует, но империя, царь помогают Ремезову отстраивать Тобольск. Здесь А. Иванов, вероятно, подходит к отрицанию соблазна политической свободы, к восприятию империи как институции неоднозначной, которая не только подавляет, но и созидает, защищает.

Интересен подход А. Иванова и к старообрядцам «радикального» толка. Он изображает в старообрядцах, в их вождах и наставниках, прежде всего, их слабость перед соблазном власти над паствой, соблазном гордыни перед «никонианами». Преодоление этих соблазнов оказывается выше сил и властей светских, и православных начальников. Самосожжения раскольников в романе подобны не очищающему, но адскому огню. Оценивая роман А. Иванова «Общага-на-Крови», Е. В. Никольский справедливо отмечает: «С мрачной книги начал Алексей Иванов. Он и потом не стал особым весельчаком, но все-таки в других его сочинениях появился хотя бы отблеск надежды» [11, с. 124]. Заметим от себя, что этот свет в романе «Тобол» особенно ощутим в восприятии соблазнов.

А. Иванов – мастер авантюрно-детективного исторического, укорененного в географических и этнографических реалиях повествования. Как и во многих его произведениях, герои «Тобола» практически всегда в «походе». Мотив похода в соединении с мотивом соблазна (сексуального, меркантильного, религиозного, политического) придаёт объёмному повествованию и «Тобола», и более ранних романов А. Иванова динамизм, живость, увлекательность в их позитивном смысле. Интересно, что в сравнении с предшествующими эпическими произведениями в «Тоболе» радикально сужается использование обценной лексики. Причиной этого является не только исторический материал, но и явное охлаждение писателя к живописанию сексуальных соблазнов.

Однако органичными для «Тобола» оказываются и те мотивы, которые в предшествующих произведениях были приглушенными, недоминантными. В их числе и мотив возмездия за слабость перед соблазном. Он доминирует в судьбе князя Гагарина: поддавшийся соблазну богатства губернатор Сибири обречен на жестокую казнь. Здесь А. Иванова несложно понять. Его главный враг – «воровство» под сенью имперской бюрократии. В повествовании звучит не столько юридически мотивированный, сколько нравственно оправданный приговор: «Поделом вору мука» [7, с. 783], – это не только мнение соратников Петра, но и равнодушный, далёкий от эпического спокойствия голос автора. Здесь векторы многих произведений А. Иванова совпадают в неприязни «воровства», корыстолюбия, граничащих с изменой и эту тонкую грань попирающих. Казнь князя Гагарина во имя искоренения «воровства», во имя процветания империи является деянием бесчеловечным, но логикой существования империи и логикой повествования вполне оправданным. А. Иванов как исторический мыслитель здесь выходит за рамки безусловного неприязни империи, свойственного либеральному мышлению. Преданный лютой казни, вызывающий ярость Петра, безымянный висельник из первой главы романа далеко не безвинен: в нем мы узнаём губернатора Сибири, «воровство», а точнее слабость перед соблазном богатства и власти которого зашли столь далеко, что затронули вопросы геополитические.

Следует заметить, что созвучной оказывается и смерть самозваного «императора» в «Вилах», но в книге о Пугачеве соблазн власти сопряжен с соблазном свободы, справедливости, сексуальным соблазном (многочисленные «царицки» в обозе мятежников). В «Тоболе» различные соблазны «разведены» по многочисленным персонажам и судьбам, что немало позволяет автору четко артикулировать свои «приговоры». «Движущая сила», сюжетобразующий мотив ряда романов – мотив сексуального соблазна – в романе «Тобол» превращается и в наваждение, осложняясь мотивом двойничества (близнецы остячки Айкони – Хомани). Поддавшийся этому мистическому соблазну Григорий Новицкий из «христовой рати» владыки Филофея попадает, «забытый небом и пеклом», в «дьявольскую ловушку» [Там же, с. 365]. Бесспорно, роман «Тобол» несет в себе и отдельные «вирусы» раннего творчества, где «главное едва пробивается сквозь хаос второстепенного» [3] для А. Иванова. Мотив соблазна объединяет «Тобол» с предшествующим творчеством писателя, но прозаик акцентирует в романе преодоление соблазнов через добровольную аскезу и трансцендентное возмездие как путь к возвышению человека.

Преодоление соблазнов – последний инвариант характерного для прозы А. Иванова неразлагаемого элемента сюжета – делает «Тобол» принципиально новым этапом его творчества, значительным шагом в эволюции писателя на пути к истине или, по крайней мере, шагом, который не «отводит человека от истины» [12, с. 626].

Список источников

1. **Бодрийяр Ж.** Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
2. **Веселовский А. Н.** Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
3. **Володихин Дм.** Две России. Политика и вера в романе А. Иванова «Тобол: мало избранных» [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2018/5/dve-rossii.html> (дата обращения: 01.12.2018).
4. **Володихин Дм.** «Мало избранных» (А. Иванов. «Тобол») [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2017/7/malo-izbrannyh.html> (дата обращения: 01.12.2018).
5. **Ершов М. Ф.** Не слишком ли мутна вода в «Тоболе»? К выходу в свет нового романа Алексея Иванова // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 158-161.

6. **Зырянов А. И.** Глобус, Парма и Тобол (о писателе Алексее Иванове как географе) // Географический вестник. 2017. № 3 (42). С. 43-47.
7. **Иванов А.** Тобол. Мало избранных: роман-пеплум. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 827 с.
8. **Иванов А. В.** Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 702 с.
9. **Казначеев С.** Но мало избранных [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2017. № 4. URL: <http://lgz.ru/article/-4-6584-1-02-2017/no-malo-izbrannykh/> (дата обращения: 01.12.2018).
10. **Кронгауз М.** Раздвигающие язык: «эффект хонтуя» [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/povuy_mi/2004/5/kron9.html (дата обращения: 01.12.2018).
11. **Никольский Е. В.** Опыт современного эпоса: роман Алексея Иванова «Общага-на-Крови» // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: мат-лы XXII Международной научной конференции / под ред. Д. С. Скворцова, Т. В. Мальцевой. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2017. С. 119-131.
12. **Полный церковно-славянский словарь** / сост. Г. Дьяченко; репринтное воспроизведение издания 1900 г. М.: Отчий дом, 2005. 1120 с.
13. **Пропп В. Я.** Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 143 с.
14. **Со- (префикс)** [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/360522.html> (дата обращения: 01.12.2018).
15. **Чагинская Е. А.** От слова к образу: юродивый как инверсия соблазна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). Ч. 2. С. 143-159.

MANY ARE CALLED: MOTIVE OF TEMPTATION IN A. IVANOV'S NOVEL "TOBOL"

Goncharov Petr Andreevich, Doctor in Philology, Professor
Goncharov Pavel Petrovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Michurinsk State Agrarian University
goncharovpa2015@yandex.ru; pascha.gj2015@yandex.ru

The article studies the function and dynamics of the temptation motive in A. Ivanov's historical novel. For the first time, with the help of the analysis of recurring indivisible narrative units, the authors make an attempt to ascertain the dominants of the prose writer's creativity and the direction of his artistic philosophy development. The novel "Tobol" is interpreted in the context of A. Ivanov's creative work, in conjunction with the literary tendencies of the late XX – early XXI century. The change of the writer's and the hero's attitude to temptation, the replacement of it with other motives is qualified reasonably as a sign of originality and a significant step in the evolution of the writer's artistic world.

Key words and phrases: A. Ivanov; "Tobol"; novel; motive of temptation; evolution; Siberia; Christianization.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 08.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.67>

В статье рассматривается мифопоэтическая семантика народно-религиозного календаря и функции даты в художественных произведениях Серебряного века. В качестве объекта изучения избраны менее изученные (в отличие от Рождества и Пасхи) праздники церковного календаря: Иванов день, Ильин день и День Усекновения главы Иоанна Предтечи. Анализ проведен на материале рассказов и повестей А. И. Куприна, И. А. Бунина, И. А. Новикова. Показано, что формирование мифопоэтического подтекста в реалистическом произведении служит символизации образов, раскрывает глубину проблематики, а эти тенденции соответствуют типологии «нового реализма» рубежа веков.

Ключевые слова и фразы: русская проза Серебряного века; фольклоризм литературы; мифопоэтика; народно-религиозный календарь; новый реализм.

Громова Алла Витальевна, д. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет
gromovaav@mail.ru

МИФОПОЭТИКА НАРОДНО-РЕЛИГИОЗНОГО КАЛЕНДАРЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В произведениях русской литературы XIX – начала XX века время действия, как правило, соотносится с церковным календарем, и гораздо чаще, чем упоминания конкретных дат, встречаются указания типа: «на Пасху», «на Троицу», «на Рождество», «Великим Постом», «на именины героя» и т.п. С одной стороны, такой способ хронологических обозначений является отражением общепринятых в то время норм; с другой стороны, в литературном произведении он может нести дополнительную семантическую нагрузку, придавая символический смысл изображенным событиям. Это особенно актуально для эпохи Серебряного века, когда происходило обновление реализма [9], выразившееся в том числе в усилении суггестивности текста, насыщении его скрытой символикой, нередко ориентированной на мифологию.